

Алексей Овчинников

Рассказы на этикетках

Ркацители

«Ркацители» относится к группе технических сортов винограда бассейна Черного моря. С грузинского переводится как «красная лоза». Родиной этого винограда считается с. Цинандали, а основной территорией распространения – Кахетия.

«Ркацители» выращивают и в Украине, но он дает меньшую сахаристость. Популярность этот сорт завоевал благодаря особенному аромату, в котором основной тон полевых трав и цветов сочетается с легкими цитрусовыми нотами цедры грейпфрута.

«Раком к цели» – таково было народное название этого вина. Собственно, цели никакой не было. Просто на маевку 1982 года пацаны решили поехать на Каролино-Бугаз, а в ближайшем к вокзалу гастрономе из сухого ящик нашелся только «Ркацители». И тринадцать рублей не жалко – степуху как раз перед праздниками получили.

Прямо в углу внутри гастронома загрузили бутылки в большой рюкзак Юрчика, а все вещи переложили в Санину сумку. Поспешили на вокзал, на место сбора всей компании.

Спешка оказалась лишней. На углу вокзала у телефонной будки никто их не ждал. Прошло полчаса, единственная двушка была потрачена. Санина подруга рассыпалась в извинениях, родители увезли ее на дачу. Ревниво спрашивала: кто пришел? Прошло еще минут двадцать, стало ясно, что никто. Саня был расстроен, уж в своей девушке он был уверен... Если она не смогла, то что говорить об остальных... Первокурсники – не совсем взрослые люди, слишком зависят от родителей...

– На хрена мы столько вина купили? – риторически сотрясал креозотный воздух вокзала Саня.

– Может, по домам? – сомневался Юрчик. Но вопрос, куда девать вино, его тоже мучил. – Может, вино Олежке завезем? Заодно узнаем, чего не пришел...

Глупо, глупо отпроситься у родителей на два дня и вернуться к ним в обед. Не-со-лидно.

– В общем, палатка у нас есть, вино есть. Если уехать электричкой в 14:10, вполне успеем. Давай, едем. Переночуем, вина выпьем, а завтра домой, – сказал Саня и брякнул рюкзаком.

Сказано – сделано.

«А пока по стаканчикам вино –
И дорога на Бугаз недалеко...»

Спел Саня, взрезая ножом пробку на бутылке. Юрчик держал телескопический пластмассовый стакан с каким-то нелепым слоником на крышке и вдавленной надписью «Пятигорск».

– За пятигорских слонов!

Юрчик выпил из стакана, Саня из горлышка. Они откинулись на солнечные сиденья дневной электрички.

Дневные электрички прекрасны. Нет лопат, корзин и ведер, которыми лупят по коленям окружающих вьючные дачники. Нет и перегарного запаха мочи, исходящего спящими алкашами. Алкаши уже все выспавшиеся, частью умытые. Дачников-трудяг сменили дачники-лентяи, груженные вместо садового инвентаря

кастрюлями замаринованного мяса и кошелками овощей с Привоза... Все в радостном предвкушении... Чтоб не текли слюни, можно откусить полевой помидор и заесть перышком чеснока.

«А пока по стаканчикам вино –
И дорога на Бугаз недалеко...»

С первой бутылкой справились легко. Казалось, рюкзак стал значительно легче.

– А где нам выходить? – поинтересовался Юрчик, который на Бугазе был лишь однажды.

– Я на «Лиманской» последний раз был – можно там...

Только у электрички были свои планы. Пра-ха-ха-хе, хе-проху-хе – бормотал динамик, и «Лиманская» промелькнула за пыльным окном. Саня занервничал.

– Пошли в тамбур!

Электричка проехала еще станцию и остановилась.

– На станции «Дружба» надо за дружбу и выпить...

– Давай сначала на берег выйдем, и закуска какая-то нужна...

– А вон магазин!

Магазином назывался параллелепипед из ржавого кровельного железа, полузасыпанный песком. На параллелепипеде висел мощный замок, больше никаких признаков присутствия человека не было. Поскрипывала треснувшая буква «Б» в названии станции, жарило майское солнце. Они уселись в тени параллелепипеда и решили ждать продавщицу, распивая вторую бутылку.

– Трудно будет сутки без еды протянуть...

Юрчик что-то вспомнил и стал рыться в рюкзаке.

– Мама мне что-то положила...

Он извлек банку бычков в томате, Саня оживился.

– Вот и ужин. А хлеб она тебе случаем не положила?

– Что-то есть...

Юрчик порылся еще немного и вытащил банку с наклейкой «Гогошары».

– Что за «Гогошары»?

– Гогошары – это такой овощ, типа перца румынского. А хлеба нет...

Юрчик считался в их компании знатоком странных слов. При этом слов простых, дворовых, он не знал, так как окончил школу в Польше и сразу попал на первый курс института. Польского происхождения были все богатства Юрчика: и рюкзак, и спальный мешок, и даже четырехместная палатка, жуткий дефицит по тем временам.

– Повезло тебе с этими загадочными гогошарами: я перец не ем, так что все тебе достанутся...

Они допивали вино, жарило не по-майски, а к магазину приблизился мужик, сильно потрепанный ветрами и попойками. Он так мощно дернул дверь, что прислонившихся друзей качнуло.

– Вот дрянь эта Зинка, теперь только десятого откроет, – мужик сплюнул и поковылял по шпалам к мосту, видимо, в Затоку, где была надежда на местную Галку или Райку.

– Что нам сидеть до десятого мая? Пошли к морю – там ветерок, прохладнее! И вдруг там какой-нибудь киоск есть? Печенье можно купить.

На берегу, конечно, никаких торговых точек не было, зато было довольно много загорающих дачников. В общем, палатку не поставишь. Юрчик стоял в растерянности. Саня, изображавший знатока Бугаза, показал рукой налево.

– Пойдем туда: чем ближе к Ильичевску, тем народу меньше. Давай рюкзак понесу. Потом, после перекура, поменяемся.

И они бодро затопали по песку в сторону Ильичевска. В рюкзаке за спиной у Сани позвякивали восемь бутылок «Ркацители».

Ходить с грузом по песку – одна из самых неприятных прогулок на свете. Килограмм десять вина с тарой и банка гогошар неизбежно топили Санины кеды в песке. Пробовали идти по мокрой и твердой кромке моря, но волны тут же, черт, намочили правую кроссовку. Так и чапали – правая нога мокрая, левая утопающая. После километра хода Саня запросил остановки. Закурили, благо запас сигарет был большой.

– Еще одну? – Саня полез в рюкзак.

– Может, сначала палатку поставим? – возражал слегка охмелевший Юрчик.

Но Саня уже резал ножом пластмассовую пробку.

– Лучше нести его в животе, чем за спиной. Быстрее идти будем. А палатку вон там поставим, там людей меньше, – Саня опять махнул в сторону Санжейки и Ильичевска.

Юрчик вздохнул, взвалил на плечи рюкзак с оставшимися семью бутылками и обреченно пошел по водорослям вдаль. Саня докурил, схватил сумку и двинул следом...

Добрели до обрывов под «Студенческой» в сумерках. Дюны – как на картинах немецких художников-романтиков. Название соответствующее – «Закат. Одиночество», ну или «В ожидании счастья». Немецкие художественные музеи полны такими работами...

Стояли редкие палатки, так что прошли еще немного до полного безлюдья. Ставить палатку в темноте – то еще удовольствие, приходит с опытом. Устали, пытались выпить еще бутылку, чтоб крепче спать, – уснули раньше половины.

Проснуться от первых лучей солнца на безлюдном берегу – одно из самых больших удовольствий в жизни. Сразу представляешь себя первым человеком на Земле. Адамом или безымянным кроманьонцем. От беспричинной радости бежишь в море, но тут же выскакиваешь – зябко. Бегаешь, орешь на весь пустынный берег, а потом – стоп. Стоишь в прибое – греешься, щуришься и балдеешь.

После такого купания молодой организм чувствует, что неплохо бы добыть еды, зажарить здоровенный кусок мамонта... Но мы помним, что в палатке только бычки, гогошары и початая бутылка. Что ж, и это отличный завтрак на песке.

Хотели несколько бычков оставить на обед – не смогли. Решили так: до обеда загораем, пьем. А после собираемся – и домой. По дороге можно попробовать добыть еду в студенческом лагере наверху – вдруг кто-то есть в столовой. А нет, так и до города дотерпим.

Запивать голод кислым вином только вначале весело – потом устаешь. Солнце в зените трудно переносится, и кроманьонец начинает думать, как бы голову не напекло. В конце концов сложили вещи, уморились. Небольшая тень за большой дюной.

– Поваляемся до электрички полчаса, – и уснули часа на три.

Уже не пекло. Саня начал искать свои джинсы – их нигде не было. Пошел за дюну, вдруг порыв ветра, – нету.

– И мой нож исчез! – раздался голос Юрчика. – И спальник.

Они оглядывали берег, кручи, море... Даже воровские следы замело песком – исчезли.

– А почему палатку не взяли? Вот же она, уже сложена в баул... – немного обиженно подытожил Юрчик.

– Они просто не поняли, что это, – Саня был задумчив. – И как я теперь домой?

В XXI веке легко себе представить человека в плавках, садыщего в городской транспорт (ну, слегка шизанутый, подумаешь...), а тогда это было бы путешествие до первого мента. Саня совсем не хотел, чтоб маму вызвали звонком в РОВД. Берег ее нервы.

– Может, мне в палатку завернуться...

Юрчику мысль не показалась здоровой.

– Все равно заберут.

– Тебе хорошо, у тебя одежда на месте...

И тут Юрчик проявил решительность.

– Значит так: я еду домой. Размеры у нас примерно совпадают, беру тебе штаны – и назад. К ночи буду. Ты один остаться не боишься?

– Нет. Только палатку оставь и еды привези. А еще – маме не звони! Нечего ей нервничать зря.

– Ладно, не буду. Ну что, – Юрчик посмотрел на часы, – вроде полчаса до электрички... Часов в десять назад приеду...

– Давай топай, а то опоздаешь!

Юрчика мама, конечно, не отпустила назад, пока не накормила до отвала и не снабдила деньгами и фонариком. В общем, пока приехал, пока в темноте искал тропу вниз, была уже глубокая ночь. Он вышел в дюны и услышал голоса в темноте. Голоса Сани среди них не было. Он подошел поближе, выключив фонарик. Нашел увесистый дрын и подобрался к палатке... В его голове проносились мысли: «Воры вернулись... А где Саня? Убили... Или нет? Ничего не боятся – Саню убили и в моей палатке ночуют...». Он покрепче взял дрын двумя руками...

– А ну, выходи по одному!

Из палатки вылезла пара испуганных молодых людей, и раздался голос Сани:

– Юрчик! Я думал, ты до утра не приедешь. Знакомьтесь...

Высунулась сонная голова Сани.

– Это – Студент, это – Маша. А это Юра, мой лучший друг, про которого я рассказывал.

Почему-то в каждой молодежной кампании был свой Студент. Почему Студент был именно он – понять невозможно. Возможно, он первый поступил в вуз, кто знает? Наш Студент решил на майские поехать в лагерь института с однокурсницей, добыл в профкоме путевки, поселился в домике (где на беду оказались соседи – тоже недовольные приездом другой парочки). Вышли они с Машей вечером на берег моря, захватив с собой казенное одеяло, шли к самому морю – оно так романтично вечером, пока...

Пока голос из-под земли его не окликнул. Сначала несмело:

– Студент...

Потом, когда он, оглядевшись, подумал, что ему послышалось, голос стал громче и требовательнее:

– Студент! Студент! Или сюда!

И тут он заметил, что ему кто-то машет рукой из-под земли, а на самом деле из-за дюны.

Саня предложил парочке много сухого вина и просил остаться с ним ночевать. Допив запасы «Ркацители», парочка улеглась с Саней в палатку. Мечты об интиме Студент на время отложил, хоть обнимал Машу и разговаривал по душам.

Когда все познакомились и отсмеялись, Студент с Машей ушли в свой домик наверху.

Юрчик кормил Саню мамиными бутербродами и радовался, что его джинсы впору товарищу. Юрчик даже допил последнюю бутылку... Утром у них уже были пары.

– Пуд соли мы с тобой не съели, но ящик «Ркацители» выпили...

Все-таки малолюдный Бугаз прекрасен. Но джинсы жалко!

